

Нет автора

Журнал «Огонек»

№42, 1964

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Н57

Нет автора

Н57 Журнал «Огонек»: №42, 1964 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2024. – 44 с.

ISBN 978-5-458-70928-6

«Огонёк» — российский и советский общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный еженедельный журнал. С 1923 года выходит в Москве. Первый номер журнала вышел в свет 9 декабря (21 декабря по новому стилю) 1899 года как еженедельное иллюстрированное литературно-художественное приложение к газете «Биржевые ведомости», издателя Станислава Проппера. В 1918 году выпуск журнала прекратился и был возобновлен стараниями Михаила Кольцова в 1923 году. До 1940 года — выходило 36 номеров в год, с 1940 года — еженедельник. В советское время журнал выпускался издательством «Правда», в котором, как приложение к журналу с 1946 года, также выходила «Библиотека „Огонька“» — собрания сочинений отечественных и зарубежных классиков.

ISBN 978-5-458-70928-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

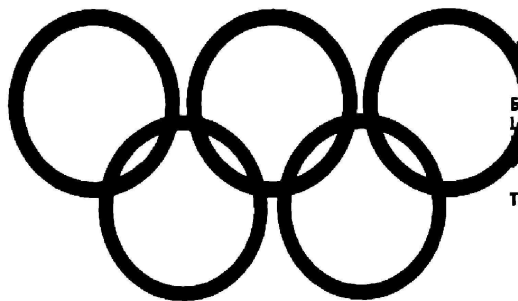
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НА НАЦИОНАЛЬНОМ СТАДИОНЕ В ТОКИО ОТКРЫЛИСЬ XVIII ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ. 98 ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФЛАГОВ НАД ЯПОНИЕЙ. ПОДАЮТСЯ СТАРТЫ ГРЕБЦАМ, БАСКЕТБОЛИСТАМ, БОРЦАМ, ФУТБОЛИСТАМ, ШТАНГИСТАМ, БОРЦАМ, ПРЫГУНАМ В ВОДУ, СОВРЕМЕННЫМ ПЯТИБОРЦАМ, ВОЛЕЙБОЛИСТАМ, ВАТЕРПОЛИСТАМ И ИГРОКАМ В ТРАВЯНОЙ ХОККЕЙ. ПЕРВОЕ СООБЩЕНИЕ НАШИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ ИЗ СТОЛИЦЫ ОЛИМПИАДЫ.

Когда началась лихорадка!

Этот репортаж был начат еще в Москве, за несколько дней до того, как на токийских стадионах прозвучит долгожданное: «Ей дон — внимание, старт!»

Предстартовые дни! Тревожны и значительны их приметы. Последние прикидки. Все новые и новые рекорды, «96-я проба» готовности! Звонкий диспут корифеев перед очной встречей на беговых дорожках Национального стадиона в парке Мэйдзи, на водных дорожках и баскетбольной арене олимпийского центра Ёги, в гимнастическом зале «Гимназия», в борцовских залах Комадзавы, на просторах залива Сагами, в гребном канале Тода.

Но когда же началась эта стартовая лихорадка? Ее первые симптомы установить не так-то просто. За полтора года до открытия Токийской олимпиады на другом конце света, в Рио-де-Жанейро, члены совета Международной любительской легкой атлетической федерации по часам и минутам утвердили программу, включающую все тридцать шесть видов легкой атлетики. Еще в апреле 1963 года бегуны, прыгуны и метатели знали, когда выйдут на старт в Токио, и, может быть, поэтому уже тогда впервые испытали то волнение, которое захватит их сейчас целиком, без остатка...

И еще раньше — вечером 11 сентября 1960 года, когда над переполненным стадионом «Форо Италико» в Риме в густых южных сумерках аспыхнули прощальные строки: «Арриведерчи а Токио, 1964», — на другом стадионе, пустом и будничном, в далекой японской столице вынуты были первые кубометры земли, и скрежет бульдозеров явился как бы стартовым сигналом к огромным работам.

Клад найден

Оринпику — так звучит слово «олимпиада» по-японски — завела помислами множество людей еще пятьдесят лет тому назад. Япония претендовала на право проведения VI Олимпийских игр

1916 года, но тогда первая мировая война нарушила все планы, и уже построенный олимпийский стадион Комадзавы остался пустым. Теперь Токио готов к приему гостей.

Одному из нас довелось в прошлом году побывать в японской столице. В то время трудно было поверить, что этот десятиллионный гигант успеет подготовиться к олимпиаде. И вовсе не потому, что сама по себе организация встречи лучших спортсменов мира — дело очень сложное. Просто Токио не только самый большой и населенный город в мире, но, пожалуй, еще и самый неорганизованный.

Представьте себе головоломное нагромождение разнокалиберных зданий, отсутствие тротуаров и уличного освещения и даже общепринятой системы нумерации домов. А к этому еще надо добавить миллион автомобилей и мотоциклов, мчащихся с полностью включенными фарами.

И вот в этом-то городе развернулась небывалая по своим масштабам подготовка к Олимпийским играм. Токио буквально ходил ходуном, но на сей раз землетрясение было ни при чем. Тысячи строительных машин и механизмов разгрызали и долбили, сверлили и раздвигали улицы. По ночам, когда работы велись особенно интенсивно, можно было подумать, что все жители задались целью найти грандиозный клад, зарытый в неизвестном месте.

Прошел год, и там, где еще недавно в непослушный грунт забивали, как гвозди, гигантские стальные опоры, повисла сияющая автомобильная магистраль, поднятая на высоту 20 метров, открылись стадионы, гостиницы, спортивные площадки.

Говорят, что на подготовку Олимпийских игр Япония истратила сумму, достаточную для запуска человека на Луну. Но хозяева страны не жалеют затраченных средств. Они рассчитывают с лихвой компенсировать миллиарды иен.

Знаменательно, что японцы избрали для олимпиады такой девиз — «Мир один — Олимпиада». История этого девиза такова: га-

зеты провели по всей стране конкурс, и из многих тысяч предложенных вариантов было избрано это, наиболее полно отражающее идею олимпиады изречение. Броский лозунг теперь переливается всеми цветами радуги над домами и стадионами Токио.

Мир один — вот клад, найденный в токийской земле. Эта истина становится особенно веской здесь, в столице XVIII Олимпийских игр. Не удивительно, что вопреки протестам реакционных сил священный огонь мира и дружбы, проделавший путь в 26 тысяч километров, едва не потушенный гонконгским тайфуном, внесет на Национальный стадион юноша по имени Сакаи. Он родился в пригороде Хиросимы 6 августа 1945 года. Народ, который испытал на себе атомный тайфун, доверил олимпийский факел сыну Хиросимы...

Что нам готовят японцы!

А рядом с величественным соседствует и смешное. Готовясь к приему спортсменов из 98 стран, японцы решили многих гостей порадовать национальными кушаньями. В этом перечне первых и вторых блюд, обнаруженных заранее, мы нашли и русский борщ — «жидкое блюдо типа супа», как объясняют традиционное русское блюдо авторы кулинарной программы.

Япония — страна людей среднего роста, и вот, готовясь к нашему великану, организаторы олимпиады заранее уведомили все страны, что в олимпийском городке будут установлены кровати длиной в 2 метра, а для тех, кто на них не уместится, приготовлены специальные приставки длиной в 33 сантиметра.

Да, еда и сон — немаловажные условия победы, но существует еще одно — климат. И тут уже не до смеха. Гостеприимные хозяева не скрывали от своих гостей всех сложностей, связанных с японским климатом. Недаром самые опытные метеорологи долго анализи-

Продолжение — на 26-й стр.

Олимпийский огонь.

Первые знакомые в Токио. В центре советская спортсменка Тамара Федосова.

Фото Ю.П.

ЕИ ДОН!

В. ВИКТОРОВ,
М. ЕФИМОВ

Специальные
корреспонденты
«Огонька»

Союз земли и

Петра ДАРИЕНКО,
министр культуры
Молдавской ССР

Недавно мы, группа молдавских писателей и деятелей искусства, принимали участие в днях молдавской литературы и искусства в Российской Федерации.

Начались наши встречи на Волге, в Чебоксарах, а закончились в Петрозаводске. Нас принимали, как братьев. У входа в каждый дом нас встречала сама Россия в облике хлебосольной, до слез приветливой, доверчивой, душевно щедрой матери. В нашу жизнь, как луч солнца в сердце, навсегда вошла дорога, которую мы прошли за эти дни. У нас, у всех участников поездки, создавалось впечатление, что мы стремительно, с космической скоростью мчались за солнцем. Мы и часа не были без солнца.

Не надо доказывать того, как крепко молдаване любят солнце. Молдаване все умеющие видеть, чувствовать и слышать называют, и это вполне справедливо, краем цветов и садов, дойн и родников, поэзии и легенд, краем вина и огненно-размашистой молдовениски... Мы не спорим: да, так-то наша Молдова, такое ее неспокойный характер. Земля благодатна. Народ говорит: воткин в землю палку, и она через некоторое время, попрыкавшись буйным цветом, начнет плодоносить. Люди, приезжающие к нам в гости, знакомясь поближе с никогда не умолкающими Кодрами, с моими земляками, умеющими по-настоящему работать, задумавшись петь и лихо танцевать, заключают: «Да у вас каждый второй человек — поэт».

Народ наш всегда был талантливым: иначе он не создал бы свою поэтическую балладу «Миорицу», которая по праву признана изюминкой всемирной литературы; он бы не выдвинул из своей среды корифеев нашей национальной литературы; он бы не подарил людям свои дойки, которые так легко, без перевода, находят прямую дорогу к сердцу целых народов. Советская действительность первой оценила эти качества народа, признала их, поддерживала всеми своими средствами, и Молдова за короткое время сделалась поэссой, певицей, художницей.

Молдаване всегда помнят такую

истину: без солнца земля одна не в силах рождать красоту, обилие цветов, винограда, не способна утверждать жизнь. Мы ни на миг не забываем, откуда приходит к нам солнце. У нас первый поклон всегда обращен к солнцу.

В нашу поэзию вошла звездносная, самая человеческая и песнеобильная из всех столиц мира — Москва.

Я должен в этом выступлении рассказать о своей республике, а начал встречи с друзьями. Живем мы в многочисленной дружной семье. Нижним ветрам — пусть самым зловещим — нас не разлучит. Семья наша велика и сильна. У нас невозможно рассказывать о себе, не вспоминая о своих сестрах и братьях. Еще одно обстоятельство подсказало мне именно с этого начать рассказ о своей республике. На Волге, в Карелии, на Неве и в Москве — везде, где нам пришлось побывать, по-настоящему глубоко знают и высоко ценят Молдавию, ее историю, ее искусство и литературу. Мы неоднократно убеждались: нашу республику знают чувашки и украинцы, карелы и эстонцы, русские и узбеки, знают в самых отдаленных уголках Родины.

— Вы знаете, какие у вас весны! — спросил меня один карельский друг.

Я несколько удивленно посмотрел на него.

— Весной у вас с холмов к Днестру рядами бегут яблоки... Но это не яблоки, а девушки-красавицы, молоденькие, стройные, все в белых косинках и в белых носочках... Скажите, не так?

Именно так, друг мой родной!

— Однажды я видел у вас, недалеко от Тирасполя, вот что. В центре обширного поля, покрытого зеленым ковром пшеницы, стояло одно-единственное дерево... Сказывают, то была груша. Как она забрела туда? Почему ее люди не пересадят? Не знаю. Но она, как хозяйка земли, стояла...

Друг рассказывал о молдавской груше, как о дереве, своей рукой посаженном. У него на то имеется полное право: может быть, ту грушу мои земляки именно в его честь и посадили — он освобожден Молдавией и на берегу Днестра потерял ногу.

Никому и никогда не счастье, сколько сынов России сложили головы за свободу, за цветы, за Кодры Молдовы, за воды Днестра — этого реанимого создателя и хранителя народных дойн! Народ в память каждого друга, погибшего на нашей земле и за нашу же землю, обязательно должен посадить фруктовое дерево. Но, к сожалению, мы при всем желании не полностью можем соблюсти эту традицию свою: если посадить в память каждого погибшего человека дерево, то не будет места ногам ступить.

...Доброе утро, Молдова моя! Я вернулся от друзей. Я принес тебе слова сердечного приветия. Дай-ка я погляжу на тебя хорошенько.

Самолет делает последний круг над Молдавией. Глажу на города и села мои, на Кодры, на серебристую ленту Днестра. Днестр мой быстрый, тебе великая Волга поклон свой прислала!

На виноградных плантациях работают тракторы. Нашенские, молдавского производства. Первый трактор сошел с конвейера Кишиневского тракторосборочного завода 21 сентября 1962 года — день этот нам не забыт, он занесен в книгу золотых дел народа. В 1963 году были произведены уже сотни тракторов.

Несколько южнее Тирасполя в океане садов виднеется какой-то своеобразный дымящийся и гудящий остров: там идет полным ходом строительство Молдавской ГРЭС. Вступил в строй ее первый агрегат мощностью 200 тысяч киловатт. В 1963 году в Молдавии было произведено электроэнергии в 56 раз больше, чем в 1940 году. Народ, который сравнительно недавно был обречен на гибель, встал на ноги во весь свой рост и своими делами изумляет мир. Вот что писал буржуазный экономический журнал «Жизнь и экономика» в 1929 году: «С Бессарабией не церемонились. Для удешевления ее физической силы, морального духа не употребляли даже примитивной логики. Не искали даже оправданий для тех или других безрассудных распоряжений. Говорят, глухой бьет свою жертву, пока не увидит крови, так как он не слышит стона. Слепой бьет, пока не услышит стона, так как он не видит крови. Бессарабию в экономическом отношении

были глухие и слепые, не слышали стона, не видели крови».

Вышеприведенные слова передают действительную картину тех дней, крайне тяжелых и мрачных в жизни молдавского народа.

...Молдавский народ веками будет славить день 28 июня 1940 года, когда Бессарабия была воссоединена с Родиной.

В Молдавии и человеку, и песне, и родинку — всем теперь легко. Одному лишь саду в эту пору приходится туго: он отяжелел от обилия фруктов. Они, зеленые, светло-бархатные, желтые, синие, румяные, красные, пригибают кроны сада к земле. Сад, надо полагать, не обижается: побольше бы таких трудностей. Глядишь — глаз не оторвать: вся земля засыпана многокрасочными радугами. Так молдаване застилают свежескошенной зеленой травой пол в своем доме. Это к празднику, и приезду гостей.

Моей республике исполняется сорок лет. Создана она волей народа и партии. Сорок лет исполняется и ее авангарду — партийной организации, которая является органической, неотъемлемой частью великой партии Ленина. Сорок лет! Возраст Молдавии исчисляется не десятилетиями, а столетиями. 40 лет — это возраст ее подлинного возрождения, ее свободы, ее политического, экономического и культурного расцвета. Короче, это возраст ее настоящей зрелой молодости. Время имеет свои законы: оно неуловимо идет вперед. Пройдут годы, придет день, когда Советской Молдавии исполнится 50, 75, 100 лет... Молдавия, конечно, станет старше, но для меня она останется всегда сорокалетней: уж болно возраст хороший, просто неповторимый!

40 лет — праздник борьбы и побед молдавского народа, новый триумф ленинской дружбы народов. Праздник отматим по-настоящему — хорошей песней, головокружительным танцем и бокалом вина. Собрать бы всех советских людей и нам, на Днестр, да и сразу чокнуться всем так, чтоб содрогнулся старый, дряхлеющий мир. Вина у нас хватит. Да и качество, как говорят понимающие толк в этом деле, вовсе не плохов. Группа туристов, посетив молдавские винохранилища, сказала:

СОЛНЦА

«Если бы человечество поставить перед выбором, где жить: в подвалах Молдавии или в раю, рай оказался бы безлюдной пустыней». Теперь в Молдавии под садами и виноградниками занято 424 тысячи гектаров. У нас — четвертая часть всех виноградников страны.

Люди у нас труженики. Землю любят. Знают ее душу и умеют глубоко заглядывать в нее. Это вовсе не новоприобретенное качество. Молдаване издавна славились как тонкие мастера возделывания земли. Но сделал их особенно дальновидными и сильными колхоз. В 1926 году первая молдавская советская газета, «Плугару рош» («Красная пахара»; ныне эта газета называется «Молдова сочналиста»), писала: «В северных районах республики людям нечем обрабатывать землю. Нет скота, нет сельскохозяйственного инвентаря. Нет у них семян.

— Наш колхоз — ровесник республики, — рассказывает председатель артели имени Ленина, Резинского района, Иосиф Федорович Качурка. — Недавно отмечали его сорочалиста. В январе 1924 года, когда мы переживали дни самой глубокой боли в связи со смертью Владимира Ильича, в село наше вернулся старый коммунист Дионис Тимуш. Он собрал группу крестьян и сказал им: «Хотите, чтобы мы увековечили имя Ленина? Давайте организуем коммуны и начнем новую жизнь». 12 семейств, среди которых и мое, объединились. Было трудно. Кудяки ставили палки в колеса. В 1929-м коммуну преобразовали в колхоз. Теперь у нас 7 тысяч гектаров земли. Колхоз имеет 40 тракторов, 26 автомашин, 25 комбайнов.

Ленинская «Искра» в свое время с болью писала о тяжелой, голодной и беспросветной жизни крестьян молдавских сел Трифанешты, Фрумушика и Севирова. Колхоз «Прогресс», объединяющий два села — Фрумушика и Трифанешты, сейчас славит на всю республику. Возглавляет его бывший батрак, ныне Герой Социалистического Труда Е. И. Тофан. Люди живут, как полагаются жить. В колхозе имеется 67 тракторов, 49 автомашин, 39 комбайнов. В прошлом году доход колхоза составил 2 миллиона 249 тысяч рублей. На территории колхоза

действуют шесть школ, две из них — одиннадцатилетки, два Дома культуры, пять библиотек, широкоэкранный кинотеатр, несколько магазинов, баня, мастерские по бытовому обслуживанию.

В доме молдавнина с каждым годом больше хлеба, больше мяса, молока, больше фруктов и овощей. Люди стали одеваться со вкусом. Не только по внешнему виду, по одежде, но и по своему интеллектуальному развитию, по интересам, по духовным запросам не отличишь у нас рабочего от инженера. Человек в моей республике стал еще более интересным, душевно богатым, красивым, смелым и благородным. Михаилу Петровичу Питороза исполнилось 75 лет. Колхоз «XXI съезд КПСС» высоко оценил его долготелый труд, выдал ему пенсию: человек заслужил покой. Михаил Петрович поблагодарил земляков, однако от работы не отказался. Потребовал найти ему дело: не привык без работы, да и силенки еще есть. Ежегодно Михаил Петрович выработывает по 300 трудовых. Работает и собирает деньги. Накопил 1000 рублей. Недавно взял эту сумму и направился в редакцию районной газеты «Зориле».

— Я пришел к вам, люди добрые, за советом, — обратился он к журналистам. — Человек должен оставлять на земле только красивое. У нас, у молдаван, есть один обычай. Помню, в прошлом люди моего возраста накопленные деньги отдавали на строительство церквей. Религия — это обмен, всем известно. Но обычный оставлять на память людям плоды своего труда очень красивый. Я накопил тысячу рублей и прошу принять их от меня: пусть пойдут на строительство Дворца культуры. У нас много света в село, так пусть его будет больше.

Судьба нашего края, естественно, схожа с судьбой людей настоящего, тех, что любят трудиться и оставлять после себя добрую память. Газета «Советская Бессарабия» в 1940 году, сразу после освобождения Бессарабии, писала: «На перекрестке у одного шалаша стояло шестеро детей, совершенно голых и настолько грязных, несчастных и слабых, что нету слов. Их мать недавно умерла. Отец продал свою землю, чтоб

собрать средства на ее похороны. Вот и Константин Калестру, который имеет 6 детей и ни одной пяди земли. У него нет ни коровы, ни свиней, у него всего одна курица...» Таким был и край, где родились Константин Калестру и его дети. Это было в селе Васне, Котовского района. Как сложилась судьба детей К. Калестру? Федор ныне руководит партийной организацией колхоза имени Котовского. Ион — колхозный тракторист. Недавно построил себе новый дом. Николай работает шофером. Живет в городе. Получил квартиру из трех комнат со всеми удобствами. Михаил — бульдозерист на Рыбницком цементном заводе. Также построил себе дом. Леон — шофер в колхозе. Вступил в члены КПСС. Люба — медсестра в родном селе.

Судьба Молдовы в прошлом всегда была невыносимо трудной. Как только она обрела свободу и начала выходить на свою дорогу, нагрянула война. Многие сыны ее не вернулись; сложили головы в разных концах Европы. Хозяйство было разрушено. Оккупанты вывезли все тракторы, комбайны, автомашины, около 100 тысяч лошадей, свыше 130 тысяч голов продуктивного скота. Погибло и было уничтожено 15 процентов виноградников, 25 процентов садов и все питомники. Нелегко было. Опять пришлось начинать все сначала. Республика справилась с трудностями: радом всегда были ее верные друзья — братские народы. А теперь, расправив крылья, Молдова поднялась высоко и пойдет еще дальше, был бы только мир.

Я смотрю показателями самых различных областей развития экономики и культуры моей республики: хороши! Вот некоторые из них. Валовая продукция всей промышленности в 1963-м в сравнении с 1940 годом выросла в 12 раз. По отраслям: валовая продукция машиностроения и металлообработки в 1963-м выросла в сравнении с 1940 годом в 130 раз. В 1963 году консервными заводами республики произведено консервов в 4,3 раза больше, чем было произведено в 1913-м в целом по нашей стране в современных границах. Число массовых библиотек возросло по сравнению с 1913 годом в 22 ра-

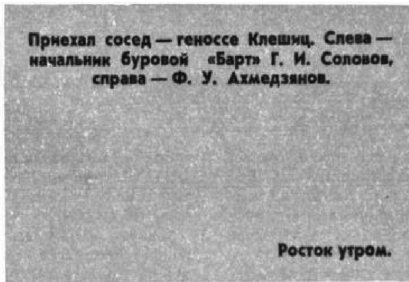
за, а количество книг — в 214 раз. Библиотеки всех видов на начало 1961 года было 4060. В 1914 году имелось всего 72 массовые библиотеки. Выших учебных заведений не было в Молдавии. Теперь у нас готовят высококвалифицированные кадры Кишиневский университет, институты искусства, сельскохозяйственного, медицинского, Большой и Тираспольский педагогические институты, в этом году создан политехнический институт. Работает Академия наук. Имеется 6 театров, крупная филармония, 1561 клубное учреждение. В 1913 году на 10 тысяч человек населения приходился 1 врач, а сейчас — 15. В Молдавии, в той самой, которой буржуазные писатели предсказывали смутное, очень смутное будущее, теперь приходится на десять тысяч человек больше врачей, чем в США, Канаде, Англии, Франции.

Я люблю эти факты. Я не могу обойтись без этих цифр. Это не безмолвные статистические цифры, нет. Они говорят красноречиво о тех грандиозных сдвигах, которых добился мой народ под руководством партии. Наши цифры, как живые, залитые золотыми лучами, идут по дорогам края, входят в сердца друзей, они вдохновляют и радуют друзей, они злят недругов наших, они поют на всю страну. Послушайте, какая чудесная песня родилась в труде народа и партии! Песня — неунывающая, задорная, быстротечная — вобрала в себя храбрость, силу, смелость людей, цвет их глаз, тепло их сердец, чудо земных пластов и необъятность просторов. Познакомьтесь с поэтическими цифрами, и вы увидите, на какие высоты поднялась Молдова. Взобралась не для того, чтоб стоять на месте и красоваться. Нет. Ее зовут новые дали, она вся устремлена навстречу нам; а там новые высоты, значительно больше завоеванных. Дойти и подняться на их вершины нелегко будет. Но высоты будут друзьями: впереди нас всегда идет уверенным шагом вечно живой, родной, дающий нам силу и свет Владимир Ильич.

У нас праздник. Приезжайте к нам, дорогие друзья. Республика наша никогда не закрывает двери. У каждого въезда в республику земля для вас выбросит триумфальную раду. Мы подготовили для вас много-много цветов...

БУДУЩЕЕ ГЕРМАНИИ

Собственный корреспондент
«Огонька» Леонид СТЕПАНОВ

Всемирный универсам

Рассказать о старейшей в Европе международной Лейпцигской ярмарке очень трудно. Это надо видеть. Большой красивый город становится на две недели всемирным универсамом, переполненной вселенской гостиницей. Площади и улицы Лейпцига пестры от национальных флагов, рекламных щитов и ярмарочных украшений. Разноязычная толпа шумит, рассматривает, смеется, ведет деловой разговор, ест горячие сосиски, пьет кофе. Светящиеся бегущие строчки над высотным зданием каждую минуту сообщают какую-нибудь новость: прибыл торговый гость из Африки, заключено соглашение на столько-то марок, открыт новый павильон... Наряду с достижениями легкой промышленности мирового класса, выставленными для всеобщего обозрения на широких витринах, какие-то кустарно-изобретатели в традиционных черных цилиндрах демонстрируют свои дешевые, уморительные и очень практичные кунштюки. Зефирные манекенщицы прохаживаются перед почтенной публикой то в сибирских мехах, то в купальных костюмах Французской Ривьеры. Благодушные любители пива чокаются огромными кружками, неторопливо судачат о ценах, о фасонах. Мальчишки в коротких штанах азартно меняются почтовыми марками. Деловитые студенты торговых училищ что-то тщательно записывают в свои блокноты. И на каждом шагу товары, товары, товары... Самые лучшие из тех, что сегодня производятся в шестидесяти странах мира.

«Целый мир в ореховой скорлупке» — так назвал великий Гете Лейпцигскую ярмарку сто пять-

десят лет назад. Что бы он сказал теперь!

Осенняя ярмарка этого года проходила под девизом: «Качество гарантирует успех». Собственно говоря, этот девиз можно было бы вывешивать на воротах каждой ярмарки: при равных прочих условиях на ярмарке всегда побеждали товары более высокого качества, изящной формы, тщательной отделки. Однако новым на ярмарке было то, что под этим девизом чаще, чем прежде, побеждали страны нашего социалистического лагеря. Товары же, представленные на ярмарке самой хозяйкой — Германской Демократической Республикой, — не только выдержали строгий экзамен мирового рынка, но в ряде случаев оказались самыми лучшими образцами.

Всеобщее признание нашли текстильные товары ГДР, особенно малимо. Прошло всего пять лет после изобретения этого принципиально нового в текстильной промышленности метода изготовления материи, а станки, выпускаемые в Карл-Маркс-штадте уже работают в тридцати странах мира. Более шестидесяти процентов продукции текстильной промышленности, производимой в ГДР, идет на экспорт.

— Посмотрел бы старик Карл Цейсс на своих «наследников!» Ему и не снились такие обороты! — Эту реплику я услышал в павильоне оптики ГДР. Итальянский коммерсант смотрел на таблицу, где было написано, что с 1950 года бывшие оптические заводы Цейсса в Йене увеличили свой коммерческий оборот вчетверо. Оптика ГДР поступает теперь в 116 стран мира!

Да, вряд ли бывшие владельцы немецких фирм и концернов смели рисовать себе такие перспективы развития. Это относится и к хозяевам мрачно знаменитого концерна «ИГ-Фарбениндустри».

Не имеющая предела

На Лейпцигской ярмарке особенно ясно видишь, как быстро химия становится доминантой всего промышленного производства. Она не только преобразует целые отрасли промышленности, но и широко, царственно входит в быт, щедро, словно из рога изобилия, высыпая новые красивые виды одежды, изящные и удобные предметы домашнего обихода, разного рода материалы, из которых уже делаются не только квартиры, но даже целые города — нарядные, чистые, комфортабельные.

— Мы живем в такое время, — сказал мне в павильоне химии ГДР доктор Людер, — когда ни одна индустриальная страна не может отказаться от первоочередного развития химии. Химия — это буквально все. Практически она не имеет предела.

Экспонаты павильона химии ГДР были лучшей иллюстрацией к словам доктора Людера. Энергия моторов, питание полей, стройматериалы, пластики, искусственное волокно, каучук, трубы для водопровода, красители, медикаменты... Нет, положительно невозможно перечислить всего, что дают химические предприятия страны. И не только. Огромная часть продукции идет на экспорт.

В пятьдесят три страны направляется продукция химических заводов «Буна», связанная с обработкой синтетического каучука. Более шестидесяти стран покупают продукцию завода «Лейна» — азотные удобрения, дизельное топливо и еще около сотни важнейших химических продуктов, предназначенных для дальнейшей обработки.

— Вы, конечно, знаете, — продолжал доктор Людер, — что оба эти завода, «Лейна» и «Буна», принадлежали концерну «ИГ-Фар-

бен». Но «ИГ-Фарбен», считавшийся когда-то химическим гигантом, показался бы просто карликом по сравнению с нашими заводами. На «Лейна», например, работает теперь более 30 тысяч рабочих. А когда завершится строительство комплекса «Лейна-2», то производительность комбината по сравнению с сегодняшней возрастет в шесть раз. Представляете, какие масштабы!

Доктор Людер с удовольствием потирал руки, потом с улыбкой добавляет:

— Но все это станет возможным, когда полностью войдет в строй нефтеперерабатывающий комбинат в Шведте. Сейчас «Лейна» да и другие наши химические предприятия работают на бурогольной базе, а потом перейдут на нефть. Значит, будущее нашей химической промышленности связано с нефтью, с нефтепроводом «Дружба».

Нефтяники Мекленбурга

— Я бы сказал иначе, — включается в наш разговор другой сотрудник павильона химии, доктор Йон. — Я бы сказал, что наше будущее связано с вашей дружбой, с дружбой вообще. Может быть, и не обязательно нефтепровод. Знаете ли вы о том, что сейчас в Мекленбурге ищут нефть?

— В Мекленбурге? Но ведь там, на вашем равнинном севере, никогда не было даже следов нефти!

— Так считалось когда-то. Теперь ваши нефтяники утверждают другое. Поезжайте в район Гримена, посмотрите. Им кое-что уже удалось найти. Кроме того, скоро к нам прибывает ваше специальное судно. Оно начнет искать нефть в море.

...Флюр Урманович Ахмедзянов, башкир по национальности,

Продолжение. См. «Огонек» № 41.

ЗДЕСЬ!

Франц Конрад.

Новые хозяева заводов «Лейпна».

прежде занимался разведкой нефти в Узбекистане и Таджикистане. Теперь почти два года он работает в районе Гримена в качестве главного геолога-консультанта. По дороге на буровую «Барт» он мне рассказывает:

— В Райкенхагене идет добыча, имеющая промышленное значение. Но запасы там, по-видимому, невелики. Летом 1963 года мы нашли нефть в Гримене. Нефть хорошего качества—маслянистая, с небольшой примесью серы, с хорошим выходом бензина и керосина. Буровая «Барт», как и буровая в Грайфсвальде делают опорные скважины для изучения глубоких отложений, до 5 тысяч метров. На «Барт» уже перешли отметку 3,5 тысячи. Не хочу делать преждевременные выводы, но есть обнадеживающие признаки.

...Типичный мекленбургский пейзаж: зеленая равнина и большое стадо коров без пастуха, огороженное тонким оголенным проводом с небольшим напряжением тока. И рядом совершенно необычная для этого пейзажа буровая вышка. Командует на «Барт» молодой инженер из Куйбышева Геннадий Иванович Соловов, а непосредственно буровые работы проводит один из самых опытных наших мастеров-ветеранов, Александр Михайлович Дзюба. Коллектив буровой работает дружно, плодотворно да еще, кроме своего основного дела, помогает стать хорошими нефтяниками молодым немцам специалистам. Тринадцать таких юных «крестьян» уже самостоятельно работают на острове Узедом, где тоже идут поиски нефти, а девять еще приобщают практику на «Барт».

В тот момент, когда мы знакомимся с нашими нефтяниками, на «Барт» приехал сосед — начальник буровой «Грайфсвальд» геолог Клевшиц. Соседние буровые — советская и германская — соревну-

ются. Они вгрызаются в недра земли почти параллельно. Но это, конечно, не исключает, а предусматривает взаимную помощь. Вот и теперь геолог Клевшиц приехал на «Барт» посоветоваться насчет алмазных коронок. В последнее время они стали срывать слишком быстро.

Дружба продолжается и после окончания работы. Советские и немецкие специалисты вместе охотятся на кабана, ходят на рыбалку. Недавно Флюр Усманович стал местным рекордсменом и получил приз. Он поймал на спиннинг полтораграммовую щуку — почти на 12 килограммов. Вытащил ее на берег объединенными советско-германскими усилиями. И потом устроили веселую обществую уху с тостами и песнями.

В Штральзунде, где живут наши нефтяники, есть Дом дружбы. Здесь часто бывают шахматные турниры, концерты самодеятельности. Концерты замечательны тем, что выступления идут на двух языках. Зрители всегда хорошо понимают и самым радужным образом встречают самодеятельных артистов. А когда на сцену выходят дети, то получается своеобразное соревнование: русские дети читают немецкие стихи, а немецкие дети — русские.

— В общем, дружба настоящая! — говорит Флюр Усманович. — Крепче не бывает.

Верил тогда и верю теперь...

Моем соседом в самолете на пути в Берлин оказался молодой немец из Лейпцига. Он возвращался домой после закрытия международной выставки строительных машин в Лужниках. Всю дорогу он мне рассказывал об успехах машиностроения ГДР, о том, какие машины ГДР используются в Со-

ветском Союзе и на каких стройках. Петер рассказывал очень увлекательно, и два с лишним часа полета прошли совсем незаметно. Только на берлинском аэродроме Шенефельд мы познакомились как полагаются: назвав себя по имени, сообщив место работы и адрес. Не визитной карточке, которую мне дал Петер, стояло: Лейпциг, площадь Димитрова...

Лейпциг, Димитров. Конечно, сразу же вспомнился судебный процесс 1933 года, за которым следил весь мир. Коммунист, изуродованный карцером и цепями, входил в зал суда и один вел сражение против целого фашистского рейха. И он победил тогда. И мы победили позже — мы, к кому он обращался с призывом объединиться против фашизма.

И вот теперь навеки адрес: площадь Димитрова. В Лейпциге — втором по величине городе социалистического германского государства.

13 сентября я пришел на площадь Димитрова вместе с тысячами немецких патриотов. Здесь состоялся митинг, посвященный памяти погибших немецких антифашистов. С трибуны перед бывшим зданием суда, а ныне музеем Георгия Димитрова выступали старые коммунисты — соратники Эрнста Тельмана и Вальтера Ульбрихта.

Они были не только на трибуне. В толпе неподалеку от себя я увидел несколько пожилых людей с красной муаровой ленточкой на груди: «1918—1923». Такие ленточки в Лейпциге носят коммунисты, принимавшие участие в вооруженных классовых боях.

С одним из старых коммунистов я познакомился после окончания митинга.

Франц Конрад хорошо помнит выступление здесь, в Лейпциге, Карла Либкнехта. Он участвовал еще в разгроме капповского пут-

ча. В годы фашизма товарищ Конрад не раз сидел в тюрьме. С 1933 года он был уволен с работы «бессрочно» как человек, «опасный государству». Однако фашисты были слишком самонадеянны. Они, видимо, полагали, что их государство тоже будет существовать «бессрочно».

После разгрома фашизма, весной 1945 года, Франц Конрад опять вернулся в свой трамвайный парк, где и работает поныне.

— Нашему городу есть чем гордиться, — говорит Франц Конрад, — Ленинская «Искра» увидела свет здесь, у нас в Лейпциге. За революционный дух лейпцигского пролетариата город уже полвека зовут «Красным Лейпцигом». Здесь выступал Эрнст Тельман в тридцать втором; я слышал тогда эту речь. Вот она, улица Тельмана. А на этом месте стояли мы с товарищами, когда Димитрова в первый раз привезли на суд. Выступления Георгия Димитрова имели тогда огромное значение для всеобщей мобилизации против фашизма. Мы здесь, в пригороде Лейпцига, печатали листовки, в которых рассказывали о Георгии Димитрове, о его подвиге. Потом меня и других товарищей арестовали. Это было здесь, в подвале. Пытали, конечно...

Тут Францу Конраду пришлось прервать свои воспоминания: разрезая толпу, прямо на нас шла колонна пионеров. Веселые, звонкоголосые мальчишки и девочки пели одну из боевых рабочих песен бурных двадцатых годов.

Старый коммунист добродушно усмехнулся:

— Ишь, как стареются! Что они знают о фашизме? Только по книжкам...

И, помолчав немного, добавил: — Эти наверняка увидят социалистическую Германию. Всю нашу Германию. Верил в это тогда и тем более верю теперь.

1814-1964

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПОЭТ

В. ТУРБИН

В родить возле могилы Лермонтова, смотреть, слушать... Нет идиллической кладбищенской тишины; нет искусственно созданного благообразия, благолепия: Россия приняла поэта ревниво и бережно, но случилось как-то так, что последнее прибежище его оказалось неподалеку от беспокойной грейдерной дороги, от шумных перекрестков. Пути расходятся: один — в Москву, другой — к Жигулям, третий — на юг, к Саратову, и дальше — к степям Калмыкии, к кавказским предгорьям. На дороге указатель: «Село Лермонтово — 1 км». И мимо села де-

ловитыми вереницами идут машины — пензенские, саратовские... С углем. С лесом. С железобетонными плитами.

Могилы окружены жизнью, бесспорной и торжествующей. И вспоминается, что среди других мятежных и бурных стихотворений есть у Лермонтова одно, особенно, быть может, мятежное и бурное — «Могилы бойца». Это о воине, который «спит последним сном»; об отравившей пирами и битвами доблестной жизни и о певце родной земли, который поет о ратнике свои песни. Воина забыли. И Лермонтов спрашивает:

На то ль он жил и меч носил,
Чтоб в час вечерней мглы
Слетались на курган его
Пустынные орлы?

Жизнь в стихотворении дерзко соперничает со смертью. Жизнь побеждает ее, и кажется, что воин, боец вот-вот проснется, воспрянет, очнувшись ото сна, вырвет из ножен меч — пойдет по земле, гремя славою, сликля друзей отовсюду к пиршественной чаше, к подаянгам ратным, к каким-то очень праведным и мудрым деяниям.

Могилы Лермонтова — тоже могила бойца. Воина, которого никто и никогда не позабудет...

Все в поэтическом мире Лермонтова мчится, торопится, спешит: люди, события. Среди юношеских стихотворений — те, в которых гений поэта еще пробуждается только, — на первом месте, конечно, «Парус».

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом... —
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мечта гнется и скрипит:
Увы, — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Парус торопится на поиски неведомого, и кажется, что он хочет обогнать несущий его ветер. А вокруг медленно плещутся волны. И в поэтическом завещании Лермонтова, в стихотворении «Родина», такое же сочетание движения медленного и плавного с возможно более быстрым движением, с движением вскачь, торопливым:

Проселочным путем люблю скакать в телеге.
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлете,
Дрожащие огни печальных деревень...

И, стало быть, поэзия Лермонтова как бы обрамляется этими двумя «торопящимися» образами: искатель-корабль, бегущий по волнам, и искатель-человек, торопливо пересекающий в телеге русскую равнину. От одного стихотворения до другого — девять лет: «Парус» написан в 1832-м, «Родина» — в 1841 году. И эти девять лет — творческий путь, творческая жизнь Лермонтова.

А жил Лермонтов так, будто сам он торопился больше всех своих героев. Все, что он совершал, он совершал раньше, чем это предписано обычаем, традицией или, наконец, самою природой: первая любовь пришла к нему в совсем раннем отрочестве, первое изгнание постигло его на пороге юности — он был изгнан из университета при обстоятельствах, так в подробностях и не выясненных; несомненно только, что он надерзил кому-то, надерзил умно, зло, с нескрываемым желанием бросить пурву в лицо ретрограду. Опять поторопился: видно, не по нему было взвешивать, выжидать. И с тех пор — изгнания, гонения и странствия: поэт бросает из столиц на поля биты, от войны к миру. Верстовыми столбами начинают мелькать в его жизни годы: снова любовь... снова дерзость, сказанная кому-то... снова изгнание... дерзость... изгнание... И в последнем изгнании — снова дерзость, «неосторожные слова», от которых тщетно предостерегает житейская мудрость. И расплатой за все дерзости — пуля, смерть в предгрозовую час летнего дня.

Не удивительно, что под пером вечно торопившегося, жаждущего успеть, успевать жить поэта все торопилось.

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

(«Тучки»).

...ла веном век бежал,
Как за минутою минута...

(«Демон»).

Торопятся ветры, корабли, облака. Торопятся века, сжавшиеся, спрессованные силою своей тяжести до мимолетных размеров мгновения, и в этом торопящемся мире сегодня начинаешь узнавать наш мир, наши темпы — темпы самого торопливого века мировой цивилизации. Века, когда все совершается быстро, но тем не менее хочется, чтобы еще быстрее разваливалось старое, возникало новое, чтобы торопилась вершить свое мудрое и правое дело история, которая и без того не очень-то томит нас медлительностью.

В лице Лермонтова в русскую литературу входил огромного размаха интернационалист — исполин, способный, ни на мгновение не утра-

М. Лермонтов. АВТОПОРТРЕТ.

М. Лермонтов. ТИФЛИС.

Государственный литературный музей, Москва

РАЗВАЛИНЫ БЛИЗ СЕЛЕНИЯ КАРААГАЧ В КАХЕТИИ.

Пушкинский Дом, Ленинград

чаявая своей русской природы, объединить в себе лучшее из культуры Англии и культуры Грузии, поэзии Франции и Азербайджана. В произведениях его действуют испанцы и армяне, черкесы и осетины; в них отзвуки шотландских баллад и грузинских преданий, а о глубинных отзвуках в них русской устной народной поэзии уже и говорить не приходится. Лермонтов учится у Байрона, Гете, Виктора Гюго и ищет дружбы с Мирае Фатали Ахундовым. Революция, революционная грузинская интеллигенция видит в нем своего, глубоко своего человека, и еще юношей отливается он на взрыв освободительного движения в Польшу.

Говорят, что личность каждого человека в миниатюре повторяет всю историю человечества. Лермонтов — это сама Россия, творческая судьба Лермонтова — это открытие, прозрение глубинных закономерностей ее истории, ее национального духа.

И национальный дух этот ни в какой степени не выветрился, но угас, не рассеялся от невообразимых огней больших городов, от успехов точных наук — наук, в которых национальное начало не может быть выражено так же бесспорно и определенно, как выражается оно в философии или в искусстве. Он не угас, и сейчас, кажется, он начинает пробуждаться с новой силой. Россия, тайны ее истории, волшебство ее архитектуры и живописи самых ранних, средневековых времен — все это становится для нас как-то ближе, понятнее, морально доступнее и год от года дороже. И одновременно с этим свободным, в каждом из нас будто по какому-то вдохновенно всплывшим интересом, уважением к себе как и нации растет равное уважение к духовным богатствам ближних и дальних наших соседей, и на опыте собственной духовной жизни постигаешь ту несложную истину, что уважать себя можно только тогда, когда уважаешь других.

Сегодня интернационализм Лермонтова открывает нам новые свои глубины. Лермонтов был великим русским поэтом; и слово «русским» хочется подчеркнуть как-то уверенно и гордо.

Творчество Лермонтова — это своего рода история долгого путешествия, странствия, в которое вовлечены все: и люди, и вещи, и явления природы — те же тучки или одинокий дубовый листок, тот, что «оторвался от ветки родимой» и понесся на крыльях ветра. Странствие — в лирических стихотворениях; странствие — в тех произведениях поэта, которыми завершается его прерванный пулей творческий путь, — в поэме «Демон», в романе «Герой нашего времени». Странствует космический искатель истины, исполни Демон, а где-то совсем в другом мире, в мире прозаическом и обыкновенном, странствует его земной двойник — аристократ-офицер Печорин. Странствие... Оно содержит в себе нечто очень русское, инстинктивную какую-то веру в то, что правду, искомую истину всего вернее обрести в дороге, в пути, в ситаниях, — вспомним, сколько скитаться и странствовать приходится героям русских былин и сказок: они вечно в пути, всегда в дороге, и образ дороги в народной поэзии — это, быть может, самый неизменный, самый сердечный и богатый смысловыми оттенками образ. И связь поэзии Лермонтова с устным народным творчеством существует, несомненно, не только там, где она выражена «напрямую» и сказывается в обращении к историческим событиям, в языке, в стиле. Конечно, «Песня про... купца Калашникова» — вещь, исполненная так, чтобы в строках ее отзывались голоса древнерусских гуслей, бродячих разносчиков новостей.

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твою любимого опричника.
Да про смелого купца, про Калашникова:
Мы сложили ее на старинный лад.
Мы певали ее под гуслирный звон...

Но ведь не только в «Песне...» дело! Самое, может быть, «интеллектуальное», самое утонченное из произведений Лермонтова, роман «Герой нашего времени» — он тоже в основе своей тяготеет к продолжению традиций: жизнь — вечное странствие, неутомимое скитание, которое должен, призван совершать человек — искатель, интеллигент, иронически именующий себя «странствующим офицером», да еще с подорожной по казенной надобности. Герои романа. Они-то, несомненно, морально отделены от народа. Но в истолковании их судеб глубоко народен Лермонтов — гений, поведавший их в их долгий и трудный путь.

Но еще более характерен для русской поэзии образ клада, сокровища, какой спрятанной, погребенной и потаенной ценности, которую во что бы то ни стало надобно найти, отыскать, открыть — открыть с тем, чтобы немедленно даровать ее миру. Лев Толстой через всю свою жизнь пронес сказку о волшебной «зеленой палочке» — той, которую спрятали от людей, но которую народ рано или поздно отыщет: ведь «зеленая палочка» нужна, необходима людям; она наконец принесет им заслуженное ими, достойное их счастье. Клады, о которых бесчисленное число раз повествуют нам народные предания, — это менее всего куча золота, сумма денег. Дело намного сложнее. Клад, преданиями о котором жили наши мудрые предки, был своего рода символом, и в символе этом заключены были народные представления о единении индивидуального счастья каждого из нас со счастьем всех. Но, будучи мудрым кладохранителем, человек по природе своей в то же время еще и кладоискатель, и призвание его — открывать сокровища, клады, целомудренно потаенные другими, искать клад, находить, обрести его.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелит.

Мы жадно берем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад, —

горько проронил Лермонтов в стихотворении «Дума», и очень характерно есть в том, что «остаток чувства», чувства человеческого поэт уподобляет сокровищу, кладу — в данном случае кладу, который зарыт скупостью. Но важен не данный случай...

Все творчество Лермонтова — непрерывное кладоискательство, поиски «зеленой палочки», при волшебной помощи которой можно будет оскотить все человечество разом. Лермонтов был прямым предшественником и Толстого, и Достоевского, и Чехова — плеяды художников слова, гуманистов, людей, по-юношески, по-русски неспособных успокоиться до тех пор, пока хоть один человек на земле будет гоним или несчастлив.

Россия в творчестве Лермонтова предстает как страна все еще не раскрытых, до поры до времени неведомых возможностей. «Немытая Россия», «страна рабов, страна господ». Но как бы ни была оскотена она деспотизмом и ужасным рабством, нечто великое скрыто в ней. Не однажды прославляла она себя подвигами на поле брани — «недаром помнит вся Россия про день Бородина». Расплескалась она от окраины до окраины, с севера на юг; и движутся ее полки «от Урала до Дуная».

Веют белые султаны
Как степной коняги,
Мчатся пестрые уланы.
Подымай гиль.
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут:
Вперед несут знамена,
В барабаны бьют.
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят...

Клад будет найден — еще один клад. Русский человек придет туда, где носились лишь туманы да цари-орлы.

И железная лопата
В каменную грудь.
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь!

И все-таки другой, главный клад — он еще впереди! Россия еще не высказалась до конца, не исчерпала себя; ее тысячелетняя история — только обещание, только начало всемирно-исторического подвига. И Россия — вся в будущем. Россия — тоже клад. Россия — страна, необходимая миру как залог его предстоящего освобождения.

Но пока... Пока, в условиях, современных Лермонтову, не может быть раскрыт ни тот клад, который таит в себе русская нация в целом (не государю же императору и не шефу корпуса жандармов быть его обладателями!), ни тот клад, который скрыт в каждом отдельном человеке (не на царской же государственной службе он открывает себя!).

Роман «Герой нашего времени» — жига, сущность, мысли, глубины которой как бы скрыты под покровом незначущего, несостоящего; и с точки зрения официальной критики лермонтовского времени она так и осталась неупорядоченным описанием похожего странствующего бездельника, совершающего поступки то бесспорно доблестные, то малодушные, то просто никому не понятные — поступки, нелепости которых первым обычно удивляется он сам: то зачем-то ввязался в деле пограничных контрабандистов; то похитил девушку-оранку; то затеял странное пари — пари о том, есть предопределение или нет.

Между тем «Герой нашего времени» — книга, которая все еще остается не прочитанной нами до конца, и мысли ее, ее образы никогда не могут быть исчерпаны. Странствующий человек... Ищущий человек... Но всегдшний лермонтовский образ пути, путешествия, странствия здесь осложняется и начинает звучать по-новому: жизнь Печорина — непрерывная цепь поединков, дуэлей. В повести «Тамань» — трагикомический поединок Печорина с... девушкой-контрабандисткой, красавицей, как и большинство других лермонтовских героев, тоже прятущей что-то, хранящей какие-то тайны — тайну безгрешного а общем-то преступления своих близких, тайну своей любви. К тайне случайно прикоснулся чужой человек, Печорин, и вот чисто психологический словесный поединок между ним и девушкой, поединок слов, жестов, взглядов, превращается в смешное приключение в море. В повести «И княжна Мери» — уже недвусмысленный, беспорядочный поединок Печорина со своим двойником, со своей тенью — с Грушницким. И, наконец, в повести «Фаталист» — самый сложный вариант поединка: странник спор, разгоревшийся между несколькими офицерами, и невиданный способ разрешения всплывшего спора — это тоже поединок. Но не сей раз — уже поединок с самой судьбой. С ее законами. А отсюда один шаг до поединка с богом — поединка, которым живет всезнающий и гордый лермонтовский Демон. И каждый из таких поединков — прелюдия на пути человека, ниспосланное ему бытием испытание, которое, впрочем, способно задержать его в движении, но никак не остановить его: жизнь продолжается, и ей никогда не будет конца.

Русским он был, великий поэт Лермонтов. Русским в своих надеждах. В своей любви и вере. В своем взгляде на мир. В своей сложности и в своей простоте. И каждой нации, великой или малой, исторически юной или древней, творения его завещают никогда не забывать, всегда помнить о ее достоинстве. О ее чести. О ее разуме. И, помня о них, всегда делиться своими богатствами со всеми народами, которые были, есть и будут на земле...

**ОН СРОДНИЛ
КАВКАЗ
С РОССИЕЙ**
Вано ШАДУРИ

В то время, когда Лермонтов, осужденный на ссылку в Грузию, ехал с «миллого севера в сторону южную», из северной ссылки на родину возвращались А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани и другие грузинские литераторы.

Преславнейший грузинский поэт, выдающийся общественный и государственный деятель, участник Отечественной войны 1812 года, образованнейший человек своего времени, переводчик Пушкина и Волытера, тест и друг Грибоедова — Александр Грсеванович Чавчавадзе сделал свой дом как бы связующим звеном между прогрессивными силами России и Грузии.

Этот дом становится родиной для А. И. Бродского — переводчика поэта-декабриста, переведенного в 1837 году из Сибири в тот же Нижегородский драгунский полк, куда был сослан и автор «возмутительного стихотворения» на смерть Пушкина. Здесь, по-видимому, бывал и Лермонтов. Возможно, он познакомился здесь и с талантливыми ющей Николаевым Бараташвили. Бараташвили был большим поклонником Лермонтова, Пушкина и других русских поэтов, имена которых нередко встречаются в его письмах. Поэту Григору Орбелиани 21 августа 1843 года Н. Бараташвили пишет: «Вообще здесь «и сичуно, и грустно, и немому руку подать в минуту душевной невзгоды» — цитируя строки из известного стихотворения Лермонтова.

Наследие Лермонтова — еще глубже осваивается и шире популяризуется в Грузии в шестидесятых годах прошлого века. Это был новый этап не только в русском освободительном движении, но и в развитии грузинской общественно-литературной жизни и в укреплении русско-грузинского сотрудничества.

По словам вождя грузинских шестидесятников Ильи Чавчавадзе, «золотые четыре года», проведенные им в Петербургском университете, были для него «фундаментом жизни, первоисточником жизни».

В эти годы И. Чавчавадзе блестяще перевел на родной язык стихотворения Лермонтова «Сон», «Пророчество», «Утес» и поэму «Хаджи Абрек». К тому же времени относятся его незаконченные переводы «Демона» и «Мцыри». Некоторые из этих переводов еще в 1860—1861 годах были напечатаны на страницах журнала «Цискари».

Другой великий грузинский поэт-шестидесятник, Амикий Церетели, писал:

«Лермонтов как певец природы

Кавказа, нравов и обычаев Кавказа особенно близок грузинскому сердцу, и потому наши писатели часто обращаются к нему. У нас много переведено из Лермонтова».

Первым по времени переводчиком великого русского поэта был сам Амикий Церетели, который в 1858 году в журнале «Цискари» дебютировал переводом «Ватни Палестины».

С тех пор Амикий Церетели, блестящий знаток и ценитель Лермонтова, не раз обращался к его произведениям, темам, образам, идеям, творчески применяя их к грузинской действительности. Особенно интересно использование им стихотворений «Кинжал» и «Поэт».

Известно, что в первом из них кинжал символизирует твердость души, верность долгу, высокое благородство. Вернувшись из Грузии, Лермонтов использовал этот образ и в другом своем программном стихотворении, «Поэт», которое целиком построено на сравнении судьбы поэта и кинжала.

В конце своего «Поэта» Лермонтов спрашивал:

Приснешься ль ты опять,
осмеленный пророк!
Иль никогда, на голос мщанья,
Из золотых ножен не вырастешь
свой кинжол...
Покрытый ржавчиной презренья!..

Как бы отвечал на этот вопрос, А. Церетели пишет стихотворение «Кинжал».

Я люблю тебя, кинжал,
Хорасанский мой товарищ,
Ты надеждой нашей стал —
Метко в грудь врага ударись.

Я точу твой блеск нагой,
Слой соскабливаю ржавый.
Будешь другим и слугой
Угнетенному неправу.

(Перевод П. Антокольского).

Особенно любопытна последняя строфа стихотворения:

Я точу тебя, точу!
Подожла твоя минута.
Я сверкаю тебя учу, —
Вольше в ножнах нет приюту.

Подхватив идею Лермонтова, А. Церетели творчески использовал его образ и в новых условиях, в период разгула реакции восьмидесятых годов, создал замечательное стихотворение, которое современники назвали «Грузинской марсельезой».

Ни один поэт не переводился на грузинский язык с такой любовью и усердием, как Лермонтов.

Еще в 1900 году крупный грузинский публицист и журналист Г. М. Туманяшвили писал о Лермонтове: «Он, быть может, более, чем кто-нибудь другой, сблизил и сроднил Кавказ с остальной Россией, всякий приезжий к нам северянин, интересующийся нашим краем, знает наизусть Лермонтова, и, наоборот, всякий образованный обитатель обширной русской территории, знающий наизусть Лермонтова, невольно заинтересовывается и нашим краем, как чудным сказочным миром, как волшебной родиной поэты. Точно так же и образованная часть кавказского туземного общества в лице Лермонтова полюбила русскую поэзию, русское образование, русскую культуру...»

На земле Аравийской

Леонид ПРОКОПЕНКО

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли...

Эти и следующие за ними строки прекрасного стихотворения Михаила Юрьевича Лермонтова известны всем и каждому. Тема Аравии неоднократно возникла в творчестве поэта. Вспомним широкую панораму стран Ближнего Востока, так верно для своего времени, выразительно и зримо нарисованную Лермонтовым:

У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот у ног Брусалима,
Вотом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
Мост желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных мотыл.
Бедуни забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды.
Про дела отцов.
Все, что здесь доступно оку.
Спит, лопой цени...

Нет, не спит в наше время некогда «дряхлый Восток!» Народы его успешно борются за свою свободу, за новую, светлую, счастливую жизнь. На желтом Ниле выросла всем известная грандиозная Асуанская плотина. Не дремлет Тегеран и его передовые люди. И если на самом деле «бедуни забыл наезды», то не «для цветных шатров», а для строительства заводов, фабрик, больниц, каналов.

Все это и многое другое подумалось многочисленным участникам юбилейной Всесоюзной научной лермонтовской конференции, состоявшейся в Пензе, когда они слушали доклад на совершенно новую тему: «Лермонтов в арабских странах».

Но самым интересным было то, что этот доклад, вкладывая начало лермонтоведению в странах Аравийского Востока, делал один из потомков того, кого русский поэт назвал в столь стремительном и красивом движении:

И стан худощавый и луке наклона,
Араб гордишь вороного коня,
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вилась
в беспорядке;
И, с криком и свистом несся
по песку,
Бросал и ловил он копыле на снагу.

С докладом в Пензе выступал араб Джамиль аль-Тикрити, аспирант Московского государственного университета, приехавший из Ирана.

Долго от души аплодировали участники юбилейной конференции автору этого доклада.

Из доклада Джамии аль-Тикрити

Одно из самых интересных мест, где речь идет о Лермонтове на арабском языке, мы встречаем в мемуарной книге известного арабского писателя Михаила Ньяйма «Саабу».

«В эти дни я читаю Лермонтова. Какая поэзия! Какая великая душа! Кавказские горы выступают в стихах Лермонтова более красивыми, чем на самом деле». Затем еще: «Два дня тому назад я вернул сочинения Лермонтова в библиотеку. Воже мой, сколько чувств этот поэт взволновал в моей душе, и сколько дум он пробудил, и сколько мечтаний... и так как я не нашел другого тома сочинений Лермонтова в библиотеке, я решил уйти из библиотеки без книги...» Далее он продолжает: «С тех пор, как читал Лермонтова, мной овладел непреодолимый порыв писать стихи...»

О жизни Лермонтова и вообще о Лермонтове у нас существует одна единственная книга Фуада Абуба, сирийского писателя. — «Лермонтов — второй поэт России» (Дамаск, 1953 год).

Эта книга по размеру невелика, всего 122 небольшие формата страницы; 111 из них посвящены жизни поэта, и всего лишь на 11 страницах помещены стихотворения и отрывки.

Автора этой книги интересовала в первую очередь личная жизнь поэта, а не творческая или общественная сторона его биографии. Поэтому он не касался стихотворений поэта и других его произведений, которые не имели прямого отношения к его жизни.

Благодаря этой книге арабский читатель узнал многое о Лермонтове, но, к сожалению, о Лермонтове-человеке, личности, а не о Лермонтове-писателе и поэте, который после смерти Пушкина по праву занимал его место в русской литературе.

В конце пятидесятих годов арабский читатель познакомился с «Героем нашего времени». Это первый перевод романа. Из всех появившихся до сих пор арабских переводов произведений Лермонтова этот наиболее верный и точный.

Таким образом, изучение творчества Лермонтова в арабских странах нечисто. Но пока оно ведется эпизодически, от случая к случаю. И в этих условиях перед нами, филологами-арабами, встает задача всемерно содействовать продвижению поэта к арабскому читателю, задача, за решение которой многие из нас готовы взяться при помощи наших русских коллег.

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ ПОЖЕ

Этот карандашный набросок, приписываемый Александру Брюллову, брату известного художника Карла Брюллова, был сделан, как полагают, в 1852 году, когда в Петербурге впервые разрешили постановку драмы «Маскарад» и то не полностью, а лишь в отдельных сценах. Исполнителями были известный трагик Каратыгин, а также Читау и Орлова.

«На улицах уже начиналась революция, слышались крики, собирались толпы с флагами, трамваи не ходили. Было пустынно и жутко, и все-таки театр был полон», — так писал журнал «Театр и искусство» о премьеры «Маскарада» в Александринском театре в феврале 1917 года. Это была выдающаяся постановка, осуществленная В. Мейерхольдом в декорациях А. Головина с Ю. Юрьевым в роли Арбенниа.

